



# Виктор Пелевин

Все рассказы  
(сборник)

ФТМ



# Виктор Олегович Пелевин

## Все рассказы (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=162423](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162423)*  
*Relics. Раннее и неизданное: Эксмо; Москва; 2005*  
*ISBN 978-5-699-13736-7, 5-699-13736-X*

### Аннотация

**В сборник вошли произведения:** Спи • Колдун Игнат и люди • Спи • Вести из Непала • Девятый сон Веры Павловны • Синий фонарь • СССР Тайшоу Чжуань • Мардонги • Жизнь и приключения сарая номер XII Миттельшпиль • Онтология детства • Встроенный напоминатель • Водонапорная башня • Миттельшпиль • Ухряб Память огненных лет • Музыка со столба • Откровение Крегера (комплект документации) • Оружие возмездия • Реконструктор (Об исследованиях П. Стецюка) • Хрустальный мир Ника • Происхождение видов • Бубен верхнего мира • Иван Кублаханов • Бубен нижнего мира (Зеленая коробочка) • Тарзанка • Ника Греческий вариант • Зигмунд в кафе • Краткая история пэйнтбола в Москве • Греческий вариант • Нижняя тундра • Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR • Time out Фокус-группа • Свет горизонта • Фокус-группа • Запись о поиске ветра • Гость на празднике Бон • Акико • Один вог

# Содержание

Спи	4
Колдун Игнат и люди	4
Спи	8
Вести из Непала	34
Девятый сон Веры Павловны	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

# Виктор Пелевин

## Все рассказы

### Спи

#### Колдун Игнат и люди

4 мая 1912 года к колдуну Игнату пришел в гости протоиерей Арсеникум. Пока Игнат хлопотал с самоваром и доставал пряники, гость сморкался у вешалки, долго снимал калоши, крестился и вздыхал. Потом он сел на краешек табурета, достал из-под рясы папку красного картона, раскрыл и развязно сказал Игнату:

– Глянь-ка, чего я понаписал!

– Интересно, – сказал Игнат, беря первый лист, – вслух читать?

– Что ты! – испуганно зашипел протоиерей. – Про себя!

Игнат стал читать:

#### Откровение Св. Феоктиста

– *«Люди! – сказал св. Феоктист, потрясая узловатым посохом. – Христос явился мне, истинно*

*так. Он велел пойти к вам и извиниться. Ничего не вышло».*

– Ха-ха-ха! – засмеялся Игнат, а сам подумал: «Неспроста это». Но виду не подал.

– А есть еще? – спросил он вместо этого.

– Ага!

Протоиерей дал Игнату новый листок и тот прочел:

### **Как Михаил Иваныч с ума сошел и умер**

*«Куда бы я ни пошел, – подумал Михаил Иваныч, с удивлением садясь на диван, – везде обязательно оказывается хоть один сумасшедший. Но вот, наконец, я в одиночестве...»*

*«Да и потом, – продолжал Михаил Иваныч, с удивлением поворачиваясь к окну, – где бы я ни оказался, везде обязательно присутствовал хоть один мертвец. Но вот я один, слава богу...»*

*«Настало время, – сказал себе Михаил Иваныч, с удивлением открывая ставень, – подумать о главном...»*

«Нет, точно, неспроста это», – решил Игнат, но виду опять не подал и вместо этого сказал:

– Интересно. Только не очень понятна главная мысль.

– Очень просто, – ответил протоиерей, нахально подмигивая, – дело в том, что смерти предшествует короткое помешательство. Ведь идея смерти непереносима.

«Нет, – подумал Игнат, – что-то он определенно крутит».  
– А вот еще, – весело сказал протоиерей, и Игнат прочел:

## Рассказ о таракане Жу

*Таракан Жу негибает и движется навстречу смерти. Вот лежит яд. Нужно остановиться и повернуть в сторону.*

*«Успел. Смерть впереди», – отмечает таракан Жу. Вот льется кипяток. Нужно увернуться и убежать под стол.*

*«Успел. Смерть впереди», – отмечает таракан Жу. Вот в небе появляется каблук и, вырастая, несется к земле. Увернуться уже нельзя.*

*«Смерть», – отмечает таракан Жу.*

Игнат поднял голову. Вошли какие-то мужики в овчинах, пряча за спины ржавые большие топоры.

– Дверь отпер... Понятно. То-то я думал – долго ты раз-деваешься, – сказал Игнат.

Протоиерей с достоинством расправил бороду.

– Чего вам надо, а? – строго спросил Игнат мужиков.

– Вот, – стесняясь и переминаясь с ноги на ногу, отвечали мужики, – убить тебя думаем. Всем миром решили. Мир всегда колдунов убивает.

«Мир, мир... – с грустью подумал Игнат, растворяясь в воздухе, – мир сам давно убит своими собственными колду-

нами».

– Тьфу ты, – сплюнул протоиерей и перекрестился. –  
Опять не вышло...

– Так-то разве убьешь, – сказал кто-то из мужиков, смор-  
каясь в рукав. – Икону надоть.

# Спи

В самом начале третьего семестра, на одной из лекций по эм-эл философии Никита Сонечкин сделал одно удивительное открытие.

Дело было в том, что с некоторых пор с ним творилось непонятное: стоило маленькому ушастому доценту, похожему на одолеваемого кощунственными мыслями попаика, войти в аудиторию, как Никиту начинало смертельно клонить в сон. А когда доцент принимался говорить и показывать пальцем в люстру, Никита уже ничего не мог с собой поделаться — он засыпал. Ему чудилось, что лектор говорит не о философии, а о чем-то из детства: о каких-то чердаках, песочницах и горящих помойках; потом ручка в Никитиных пальцах забиралась по диагонали в самый верх листа, оставив за собой неразборчивую фразу; наконец он клевал носом и проваливался в черноту, откуда через секунду-другую выныривал, чтобы вскоре все повторилось в той же самой последовательности. Его конспекты выглядели странно и были непригодны для занятий: короткие абзацы текста пересекались длинными косыми предложениями, где шла речь то о космонавтах-невозвращенцах, то о рабочем визите монгольского хана, а почерк становился мелким и прыгающим.

Сначала Никита очень расстраивался из-за своей неспособности нормально высидеть лекцию, а потом задумался:

неужели это происходит только с ним? Он стал приглядываться к остальным студентам, и здесь-то его и ждало открытие.

Оказалось, что спят вокруг почти все, но делают это гораздо умнее, чем он, – уперев лоб в раскрытую ладонь, так что лицо оказывалось спрятанным. Кисть правой руки при этом скрывалась за локтем левой, и разобрать, пишет сидящий или нет, было нельзя. Никита попробовал принять это положение и обнаружил, что сразу же изменилось качество его сна. Если раньше он рывками перемещался от полной отключенности до перепуганного бодрствования, то теперь эти два состояния соединились – он засыпал, но не окончательно, не до черноты, и то, что с ним происходило, напоминало утреннюю дрему, когда любая мысль без труда превращается в движущуюся цветную картинку, следя за которой можно одновременно дожидаться звонка переведенного на час вперед будильника.

Выяснилось, что в этом новом состоянии даже удобнее записывать лекции – надо было просто позволить руке двигаться самой, добившись, чтобы бормотание лектора скатывалось от уха прямо к пальцам, ни в коем случае не попадая в мозг, – в противном случае Никита или просыпался, или, наоборот, засыпал еще глубже, до полной потери представления о происходящем. Постепенно, балансируя между этими двумя состояниями, он так освоился во сне, что научился уделять одновременно нескольким предметам вни-

мание той крохотной части своего сознания, которая отвечала за связи с внешним миром. Он мог, например, видеть сон, где действие происходило в женской бане (довольно частое и странное видение, поражавшее целым рядом нелепостей: на бревенчатых стенах висели рукописные плакаты со стихами, призывавшими беречь хлеб, а кряжистые русоволосые бабы со ржавыми шайками в руках носили короткие балетные юбочки из перьев), и одновременно с этим мог не только следить за потоком яичного желтка на лекторском галстуке, но и выслушивать анекдот про трех грузин в космосе, который постоянно рассказывал сосед.

Просыпаясь после философии, Никита в первые дни не мог нарадоваться своим новым возможностям, но самодовольство улетучилось, когда он понял, что может пока только слушать и писать во сне, а ведь тот, кто в это время рассказывал ему анекдот, тоже спал! Это было ясно по особому маслянистому блеску глаз, по общему положению туловища и по целому ряду мелких, но несомненных деталей. И вот, уснув на одной из лекций, Никита попробовал рассказать анекдот в ответ – специально выбрал самый простой и короткий, про международный конкурс скрипачей в Париже. У него почти получилось, только в самом конце он сбился и заговорил о мазуте Днепропетровска вместо маузера Держинского. Но собеседник ничего не заметил и басовито хохотнул, когда за последним сказанным Никитой словом истекли три секунды тишины и стало ясно, что анекдот закончен.

Больше всего Никиту удивляла та глубина и вязкость, которые при разговоре во сне приобретал его голос. Но обращать на это слишком большое внимание было опасно – начиналось пробуждение.

Говорить во сне было трудно, но возможно, а до каких пределов могло в этом дойти человеческое мастерство, показывал пример лектора. Никита никогда бы не догадался, что тот тоже спит, если бы не заметил, что лектор, имевший привычку плотно прислоняться к высокой кафедре, время от времени переворачивается на другой бок, оказываясь к аудитории спиной и лицом к доске (чтобы оправдать невежливое положение своего туловища, он вяло взмахивал рукой в направлении пронумерованных белых предпосылок). Иногда лектор поворачивался на спину; тогда его речь замедлялась, а высказывания становились либеральными до радостного испуга – но основную часть курса он читал на правом боку.

Скоро Никита понял, что спать удобно не только на лекциях, но и на семинарах, и постепенно у него стали выходить некоторые несложные действия – так, он мог, не просыпаясь, встать, приветствуя преподавателя, мог выйти к доске и стереть написанное или даже поискать в соседних аудиториях мел. Когда его вызывали, он сперва просыпался, пугался и начинал блуждать в словах и понятиях, одновременно восхищаясь неподражаемым умением спящего преподавателя морщиться, кашлять и постукивать рукой по столу не

только держа глаза открытыми, но и придавая им подобие выражения.

Первый раз ответить во сне получилось у Никиты неожиданно и без всякой подготовки – просто он краем сознания заметил, что пересказывает какие-то «основные понятия» и одновременно находится на верхней площадке высокой колокольни, где играет маленький духовой оркестр под управлением любви, оказавшейся маленькой желтоволосой старушкой с обезьяньими ухватками. Никита получил пятерку и с тех пор даже конспекты первоисточников вел не просыпаясь и приходя в бодрствующее состояние только для того, чтобы выйти из читального зала. Но мало-помалу его мастерство росло, и к концу второго курса он уже засыпал, входя утром в метро, а просыпался, выходя с той же станции вечером.

Но кое-что стало его пугать. Он заметил, что все чаще засыпает неожиданно, не отдавая себе в этом отчета. Только проснувшись, он понимал, что, например, приезд к ним в институт товарища Луначарского на тройке вороных с бубенцами – не часть идеологической программы, посвященной трехсотлетию первой русской балалайки (к этой дате готовилась в те дни вся страна), а обычное сновидение. Было много путаницы, и, чтобы иметь возможность в любой момент выяснить, спит ли он или нет, Никита стал носить в кармане маленькую булавку с зеленой горошиной на конце; когда у него возникали сомнения, он колот себя в ляжку, и все

выяснялось. Правда, появился новый страх, что ему может просто сниться, будто он колет себя булавкой, но эту мысль Никита отогнал как невыносимую.

Отношения с товарищами по институту у него заметно улучшились – комсорг Сережа Фирсов, который мог во сне выпить одиннадцать кружек пива подряд, признался, что раньше все считали Никиту психом или, во всяком случае, человеком со странностями, но вот наконец выяснилось, что он вполне свой. Сережа хотел добавить что-то еще, но у него заплелся язык, и он неожиданно стал говорить о сравнительных шансах Спартака и Салавата Юлаева в этом году, из чего Никита, которому в этот момент снилась Курская битва, понял, что приятель видит что-то римско-пугачевское и крайне запутанное.

Постепенно Никиту перестало удивлять, что спящие пассажиры метро ухитряются переругиваться, наступать друг другу на ноги и удерживать на весу тяжелые сумки, набитые рулонами туалетной бумаги и консервами из морской капусты, – всему этому он научился сам. Поразительным было другое. Многие из пассажиров, пробравшись к пустому месту на сиденье, немедленно роняли голову на грудь и засыпали – не так, как спали за минуту до этого, а глубже, полностью отъединяя себя от всего вокруг. Но, услышав сквозь сон название своей станции, они никогда не просыпались окончательно, а с потрясающей меткостью попадали в то самое состояние, из которого перед этим ныряли во временное

небытие. Первый раз Никита заметил это, когда сидевший перед ним мужик в синем халате, храпевший на весь вагон, вдруг дернул головой, заложил проездным раскрытую на коленях книгу, закрыл глаза и погрузился в неподвижное неорганическое оцепенение; через некоторое время вагон сильно потряхнуло, и мужик, еще раз дернув головой, захрапел опять. То же самое, как догадался Никита, происходило и с остальными, даже если они не храпели.

Дома он стал внимательно приглядываться к родителям и скоро заметил, что никак не может застать их в бодрствующем состоянии – они спали все время. Один только раз отец, сидя в кресле, откинул голову и увидел кошмар: завопил, замахал руками, вскочил и проснулся – это Никита понял по выражению его лица, – но тут же выругался, заснул опять и сел ближе к телевизору, где как раз синим цветом мерцало какое-то историческое совместное засыпание.

В другой раз мать уронила себе на ногу утюг, сильно ушиблась и обожглась и так жалобно всхлипывала во сне до приезда бригады «Скорой помощи», что Никита, не в силах вынести этого, заснул сам и проснулся только вечером, когда мать уже мирно клевала носом над «Одним днем Ивана Денисовича». Книгу принес заглянувший на запах бинтов и крови сосед, старик антропософ Максимка, с детства напоминавший Никите опустившегося библейского патриарха. Максимка, изредка посещаемый кем-нибудь из многочисленных уголовных внуков, тихо досыпал свой век в об-

ществе нескольких умных котов да темной иконы, с которой он шепотом переругивался каждое утро.

После случая с утюгом начался новый этап Никитиных отношений с родителями. Оказалось, что все скандалы и непонимания ничего не стоит предотвратить, если засыпать в самом начале беседы. Однажды они с отцом долго обсуждали положение в стране; во время разговора Никита ерзал на стуле и вздрагивал, потому что ухмыляющийся Сенкевич, привязав его к мачте папирусной лодки, что-то говорил на ухо худому и злому Туру Хейердалу; лодка затерялась где-то в Атлантике, и Хейердал с Сенкевичем, не скрываясь, ходили в черных масонских шапочках.

– Умнеешь, – сказал отец, одним глазом глядя в потолок, а другим на тумбочку для морской капусты, – только непонятно, кто тебе эту чушь наплел насчет шапочек. У них фартуки, длинные такие. – Отец показал руками.

Вообще выяснилось: к какому бы роду человеческой деятельности ни пытался приспособить себя Никита, трудности существовали только до того момента, когда он засыпал, а потом, без всякого участия со своей стороны, он делал все необходимое, да так хорошо, что, проснувшись, удивлялся. Это относилось не только к институту, но и к свободным часам, бывшим для этого довольно мучительными из-за своей бессмысленной протяженности. Во сне Никита проглотил многие из книг, никак не поддававшихся до этого расшифровке, и даже научился читать газеты, чем окончательно

но успокоил родителей, нередко до этого с горечью шептавшихся по его поводу.

– У тебя прямо какое-то возрождение к жизни! – говорила ему мать, любившая торжественные обороты. Обычно эта фраза произносилась на кухне, во время приготовления борща. В кастрюлю упала свекла, и Никите начинало сниться что-то из Мелвилла. В открытое окно влетал запах жареной морской капусты и коровье мычание валторн; музыка стихала, и радиоголос говорил:

– Сегодня в девятнадцать часов предлагаем вашему вниманию концерт мастеров искусств, являющийся как бы заключительным аккордом в торжественной симфонии, посвященной трехсотлетию первой русской балалайки!

Вечером семья собиралась у синего окна во вселенную. У Никитиных родителей была любимая семейная передача: «Камера смотрит в мир». Отец по-домашнему выходил к ней в своей полосатой серой пижаме и сворачивался в кресле; из кухни с тарелкой в руке подтягивалась мать, и они часами замороженно поворачивали полуприкрытые глаза за плывущими по экрану пейзажами.

– Если вы хотите отведать свежих бананов и запить их кокосовым молоком, – говорил телевизор, – если вы хотите насладиться шумом прибоя, теплым золотым песком и нежными лучами солнца, то...

Тут телевидение делало интригующую паузу.

– ...то это значит, что вы хотите побывать в бананово-ли-

моновом Сингапуре.

Никита посапывал рядом с родителями. Иногда до него долетало преломленное мутной призмой сна название передачи, и содержание сновидения задавалось экраном. Так, во время программы «Наш сад» Никите несколько раз привиделся основатель популярного полового извращения; на французском маркизе был клюквенный стрелецкий кафтан с золотыми галунами, и он звал с собой в какое-то женское общежитие. А иногда все смешивалось в полную неразбериху, и архимандрит Юлиан, непременный участник любого уважающего себя «круглого стола», выглядывал из длинного «ЗИЛа» с мигалкой и говорил:

– До встречи в эфире!

При этом он испуганно тыкал пальцем вверх, в небесную пустоту, где одиноко стояла красная точка Антареса из передачи об Иване Бунине. Кто-нибудь из родителей переключал программу, Никита чуть приоткрывал глаза и видел на экране майора в голубом берете, стоящего в жарком горном ущелье. «Смерть? – улыбался майор. – Она страшна только сначала, в первые дни. По сути, служба здесь стала для нас хорошей школой – мы учили духов, духи учили нас...»

Щелкал выключатель, и Никита отправлялся в свою комнату спать под одеялом на кровати. Утром, услышав шаги в коридоре или звон будильника, он осторожно приоткрывал глаза, некоторое время привыкал к дневному свету, вставал и шел в ванную, где в его голову обычно приходили разные

мысли и ночной сон уступал место первому из дневных.

«Как же все-таки одинок человек, – думал он, ворочая во рту зубной щеткой. – Ведь я даже не знаю, что снится моим родителям, или прохожим на улицах, или дедушке Максиму. Хоть бы спросить кого, почему мы все спим».

И тут же он пугался, понимая, насколько эта тема невозможна для обсуждения. Ведь даже самые бесстыдные из книг, какие прочел Никита, ни словом об этом не упоминали; точно так же никто при нем не говорил об этом вслух. Никита догадывался, в чем дело, – это была не просто одна из недомолвок, а своеобразный шарнир, на котором поворачивались жизни людей, и если кто-то даже и кричал, что надо говорить всю как есть правду, то делал это не потому, что очень уж ненавидел недомолвки, а потому, что к этому его вынуждала главная недомолвка существования. Однажды, стоя в медленной очереди за морской капустой, заполнившей пол-универсама, Никита увидел даже особый сон на эту тему.

Он находился в каком-то сводчатом коридоре, потолок которого был украшен лепными виноградными кистями и курносими женскими профилями, а по полу шла красная ковровая дорожка. Никита пошел по коридору, несколько раз повернул и вдруг оказался в аппендиксе, кончающемся закрасненным окном; одна из дверей короткого коридорного тупика открылась, оттуда выглянул пухлый мужчина в темном костюме и, сделав счастливые глаза, поманил Никиту

рукой. Никита вошел.

В центре комнаты за большим круглым столом сидели человек десять-пятнадцать, все в костюмах, с галстуками, и все довольно похожие друг на друга – лысоватые, пожилые, с тенью одной какой-то невыразимой думы на лицах. На Никиту не обратили внимания.

– Ни тени сомнения! – говорил выступающий. – Надо сказать всю правду. Люди устали.

– А почему бы и нет? Конечно! – отозвались несколько бодрых голосов, и заговорили все сразу; началась неразбериха, шум, пока тот, кто говорил в самом начале, не хлопнул изо всех сил по столу папкой с надписью «ВРПО Дальрыба» (надпись, как сообразил Никита, была на самом деле вовсе не на папке, а на банке морской капусты из другого сна). Удар пришелся всей плоскостью, и звук вышел тихим, но очень долгим и увесистым, похожим на звон колокола с глушителем. Все стихло.

– Понятно, – вновь заговорил хлопнувший, – надо сначала выяснить, что из всего этого выйдет. Попробуем составить комиссию, скажем, в составе трех человек.

– Зачем? – спросила девушка в белом халате.

Никита понял, что она здесь из-за него, и протянул ей деньги за свои пять банок. Девушка издала ртом звук, похожий на трещащее жужжание кассового аппарата, но на Никиту даже не поглядела.

– А затем, – ответил ей мужчина, хоть Никита уже мино-

вал кассу и шел теперь к дверям универсама, – затем, что те, кто войдет в эту комиссию, сначала попробуют сказать всю-всю правду друг другу.

Очень быстро договорились насчет членов комиссии – ими стали сам оратор и двое мужчин в синих тройках и роговых очках, похожие как родные братья: даже перхоти у обоих было больше на левом плече. (Разумеется, Никита отлично знал, что и перхоть на плечах, и простонародный выговор некоторых слов не настоящие и являются просто проявлениями принятой в таких снах эстетики.) Остальные вышли в коридор, где светило солнце, дул ветер и гудели машины, и, пока Никита спускался в подземный переход, дверь в комнату заперли, а чтоб никто не подглядывал, замочную скважину замазали икрой с бутерброда.

Стали ждать. Никита миновал памятник противотанковой пушке, магазин «Табак» и дошел уже до огромной матерной надписи на стене панельного Дворца бракосочетаний – это значило, что до дома еще пять минут ходьбы, – когда из комнаты, откуда все это время доносились тихие неразборчивые голоса, вдруг послышалось какое-то бульканье и треск, вслед за чем наступила полная тишина. Вся правда, видимо, была сказана, и кто-то постучал в дверь.

– Товарищи! Как дела?

Ответа не было. В маленькой толкучке у дверей начали переглядываться, и какой-то загорелый, европейского вида мужчина по ошибке переглянулся с Никитой, но сразу же

отвел глаза и раздраженно что-то пробормотал.

– Ломаем! – решили наконец в коридоре.

Дверь вылетела с пятого или с шестого удара, как раз когда Никита входил в свой подъезд, после чего он вместе с ловавшими дверь очутился в совершенно пустой комнате, на полу которой расплзлась большая лужа. Никита сперва решил, что это лужа, которую он видел в лифте, но, сравнивая их контуры, убедился, что это не так. Хотя длинные языки мочи еще ползли к стенам, ни под столом, ни за шторами никого не было, а на стульях горбились и обвисали три пустых, обгорелых изнутри костюма. Возле ножки опрокинутого стула блестели треснутые роговые очки.

– Вот она, правда, – прошептал кто-то за спиной.

Сон, уже порядком надоевший, никак не кончался, и Никита полез в карман за булавкой. Как назло, ее там не было. Войдя в свою квартиру, он швырнул на пол сумку с консервными банками, открыл шкаф и стал шарить по карманам всех висящих там штанов. Тем временем все вышли из комнаты в коридор и стали тревожно шептаться; опять загорелый тип чуть было не шепнул что-то Никите, но вовремя остановился. Решили, что надо срочно куда-то звонить, и загорелый, которому это было доверено, уже двинулся к телефону, как вдруг все взорвались ликующими криками – впереди, в коридоре, показались исчезнувшие трое. Они были в синих спортивных трусах и кроссовках, румяные и бодрые, как из бани.

– Вот так! – закричал, махая рукой, тот, что говорил в самом начале сна. – Это, конечно, шутка, но мы хотели показать некоторым нетерпеливым товарищам...

Со зла Никита уколол себя булавкой несколько раз сильнее, чем требовалось, и что случилось дальше, осталось неизвестным.

Подняв сумку, он отнес ее на кухню и подошел к окну. На улице был летний вечер, шли и весело переговаривались о чем-то люди, гудели машины, и все было так, как если бы любой из прохожих действительно шел сейчас под Никитиными окнами, а не находился в каком-то только ему ведомом измерении. Глядя на крохотные фигурки людей, Никита с тоской думал, что до сих пор не знает ни содержания их сновидений, ни отношения, в котором для них находятся сны и явь, и что ему совсем некому пожаловаться на повторяющийся кошмар или поговорить о снах, которые ему нравятся. Ему вдруг так захотелось пойти на улицу и с кем-нибудь – совершенно не важно с кем – заговорить обо всем этом, что он понял: как ни дик такой замысел, сегодня он именно это и сделает.

Минут через сорок он уже шел от одной из окраинных станций метро по поднимающейся к горизонту пустой улице, похожей на половинку разрезанной надвое липовой аллеи, – там, где должен был расти второй ряд деревьев, проходила широкая асфальтовая дорога. Он приехал сюда потому, что

здесь были тихие, почти не посещаемые милицейскими патрулями места. Это было важно – Никита знал, что от спящего милиционера можно убежать только во сне, а адреналин в крови – плохое снотворное. Никита шел вверх, покалывая себе ногу и любуясь огромными, похожими на застывшие фонтаны зеленых чернил липами; он так загляделся на них, что чуть не упустил своего первого клиента.

Это был старичок с несколькими разноцветными значками на ветхом коричневом пиджаке, вышедший, вероятно, на обычный вечерний моцион. Он вышмыгнул из кустов, покосился на Никиту и пошел вверх. Никита догнал его и пошел рядом. Старичок время от времени поднимал руку и с силой проводил оттянутым большим пальцем по воздуху.

– Чего это вы? – помолчав, спросил, Никита.

– Клопы, – отозвался старик.

– Какие клопы? – не понял Никита.

– Обыкновенные, – сказал старик и вздохнул: – Из верхней квартиры. Тут все стены дырявые.

– Надо дезинсекталем, – сказал Никита.

– Ничего. Я пальцем за ночь больше передавлю, чем вся твоя химия. Знаешь, как Утесов поет? «Мы врагов...»

Тут он замолчал, и Никита так и не узнал про клопов и Утесова. Несколько метров они прошли в тишине.

– Хряп, – вдруг сказал старик. – Хряп.

– Это клопы лопаются? – догадался Никита.

– Не, – сказал старик и улыбнулся. – Клопы тихо мрут. А

это икра.

– Какая икра?

– А вот поразмысли, – оживился старик, и его глаза заблестели хитроватым суворовским маразмом, – видишь киоск?

На углу и правда стоял запертый киоск «Союзпечати».

– Вижу, – сказал Никита.

– Видишь. Хорошо. А теперь представь, что тут косяя такая будка стоит. И в ней икру продают. Ты такой икры не видел и не увидишь никогда – каждое зернышко с виноградину, понял? И вот продавщица, ленивая такая баба, взвешивает тебе полкило, совком берет из бочки – и на весы. Так она пока тебе твои полкило положит, на землю – хряп! – столько же уронит. Понял?

Глаза старика погасли. Он поглядел по сторонам, плюнул и пошел через улицу, иногда обходя что-то невидимое, возможно, лежащие на асфальте его сна кучки икры.

«Нет, – решил Никита, – надо прямо спрашивать. Черт знает, кто о чем говорит. А если милицию позовут, убегу...»

На улице уже было довольно темно. Зажглись фонари, работала из них половина, а из горевших большинство испускало слабое фиолетовое сияние, которое не столько освещало, сколько окрашивало асфальт и деревья, придавая улице характер строгого загробного пейзажа. Никита сел на скамейку под липами и замер.

Через несколько минут на краю видимой полусферы сумрака появилось что-то поскрипывающее и попискивающее,

состоящее из темных и светлых пятен. Оно приближалось, двигаясь с короткими остановками, во время которых раскачивалось взад-вперед, издавая утешительный и фальшивый шепот. Приглядевшись, Никита различил женщину лет тридцати в темной куртке и катящуюся перед ней светлую коляску. Было совершенно ясно, что женщина спит: время от времени она поправляла у головы невидимую подушку, притворяясь, по обычной женской привычке лицемерить даже в одиночестве, что приводит в порядок свои пегие волосы.

Никита поднялся с лавки. Женщина вздрогнула, но не проснулась.

– Простите, – начал Никита, злясь на собственное смущение, – можно задать вам один личный вопрос?

Женщина задрала на лоб выщипанные в ниточку брови и растянула широкие губы к ушам, что, как понял Никита, означало вежливое недоумение.

– Вопрос? – переспросила она низким голосом. – Ну давай.

– Скажите, что вам сейчас снится?

Никита сделал идиотский жест рукой, обводя все вокруг, и окончательно смутился, почувствовав, что в его голосе прозвучала какая-то совершенно неуместная игривость. Женщина засмеялась воркующим голубиным смехом.

– Дурачок, – ласково сказала она, – мне не такие нравятся.

– А какие? – спросил Никита.

– С овчарками, глупыш. С большими овчарками.

«Издевается», – подумал Никита.

– Вы только поймите меня правильно, – сказал он. – Я и сам понимаю, что перехожу, так сказать, границу...

Женщина тихо вскрикнула и, отведя от него глаза, пошла быстрее.

– Понимаете, – волнуясь, продолжал Никита, – я знаю, что об этом нормальные люди не говорят. Может, я ненормальный. Но неужели вам самой никогда не хотелось с кем-нибудь это обсудить?

– Что обсудить? – переспросила женщина, словно пытаясь выиграть время в разговоре с сумасшедшим. Она уже почти бежала, зорко вглядываясь во тьму; коляска подпрыгивала на неровностях асфальта, и внутри что-то тяжело и безмолвно билось в клеенчатые борта.

– Именно это и обсудить, – ответил Никита, переходя на трусцу. – Вот, например, сегодня. Включаю телевизор, а там... Не знаю, что страшнее – зал или президиум. Целый час смотрел и ничего нового не увидел, только, может, пара незнакомых поз. Один в тракторе спит, другой – на орбитальной станции, третий во сне про спорт рассказывает, а эти, которые с трамплина прыгают, тоже все спят. И выходит, что поговорить мне не с кем...

Женщина лихорадочно поправила подушку и перешла на откровенный бег. Никита, стараясь удержать сбиваемое разговором дыхание, побежал рядом – впереди стремительно росла зеленая звезда светофора.

– Вот, например, мы с вами... Слушайте, давайте я вас булавкой уколою! Как я не догадался... Хотите?

Женщина вылетела на перекресток, остановилась, да так резко, что в коляске что-то увесисто сместилось, чуть не прорвав переднюю стенку, а Никита, прежде чем затормозить, пролетел еще несколько метров.

– Помогите! – заорала женщина.

Как нарочно, метрах в пяти на боковой улице стояли двое с повязками на рукавах, в одинаковых белых куртках, делавших их похожими на ангелов. В первый момент они отпрянули назад, но, увидев, что Никита стоит под светофором и не проявляет никакой враждебности, осмелели и медленно приблизились. Один вступил в разговор с женщиной, которая горячо запричитала, махая руками и все время повторяя слова «пристал» и «маньяк», а второй подошел к Никите.

– Гуляешь? – дружелюбно спросил он.

– Типа того, – ответил Никита.

Дружинник был ниже его на голову и носил темные очки. (Никита давно заметил, что многим трудно спать при свете с открытыми глазами.) Дружинник обернулся к напарнику, который сочувственно кивал женщине головой и записывал что-то на бумажку. Наконец женщина выговорилась, победоносно поглядела на Никиту, поправила подушку, развернула свою коляску и двинула ее вверх по улице. Напарник подошел. Это был мужчина лет сорока с густыми усами, в надвинутой на самые уши – чтобы за ночь не растрепалась

прическа – кепке и с сумкой на плече.

– Точняк, – сказал он напарнику, – она.

– А я сразу понял, – сказал очкарик и повернулся к Никите: – Тебя как звать?

Никита представился.

– Я Гаврила, – сказал очкарик, – а это Михаил. Ты не пугайся, это местная дура. Нам на инструктаже про нее каждый раз напоминают. Ее в детстве два пограничника изнасиловали, прямо в кинотеатре, во время фильма «Ко мне, Мухтар!». С тех пор она и тронулась. У нее в коляске бюст Дзержинского в пеленках. Она каждый вечер в отделение звонит, жалуется, что ее трахнуть хотят, а сама к собачникам пристает, хочет, чтобы на нее овчарку спустили...

– Я заметил, – сказал Никита, – она странная.

– Ну и Бог с ней. Ты пить будешь?

Никита подумал.

– Буду, – сказал он.

Устроились на лавке, там же, где за несколько минут до этого сидел, размышляя, Никита. Михаил вынул из сумки бутылку экспортной «Особой московской», брелоком в виде маленького меча отделил латунную пробку от фиксирующего кольца и свинтил ее одним замысловатым движением кисти. Он, видимо, был из тех еще встречающихся на Руси самородков, которые открывают пиво глазницей и ударом крепкой ладони вышибают пробку из бутылки болгарского

сушняка сразу наполовину, так, что уже несложно ухватиться крепкими белыми зубами.

«А может, их спросить? – подумал Никита, принимая тяжелый картонный стаканчик и бутерброд с морской капустой. – Хотя страшно. Все-таки двое, а этот Михаил – здоровый...»

Выдохнув воздух, Никита уставился в сложное переплетение теней на асфальте под ногами. С каждой волной теплого вечернего ветра узор менялся: то были ясно видны какие-то рожи и знамена, то вдруг появлялись контуры Южной Америки, то возникали три адидасовские полосы от висящих над деревом проводов, то казалось, что все это просто тени от просвеченной фонарем листвы.

Никита поднес стакан к губам. Призванная представлять страну за рубежом жидкость, решив, видимо, что дело происходит где-то в западном полушарии, проскользнула внутрь с удивительной мягкостью и тактом.

– Кстати, где это мы сейчас? – спросил Никита.

– Маршрут номер три, – отозвался очкарик Гаврила, принимая стакан.

– Ну и пенек же ты, – засмеялся Михаил. – Неужто если мент в опорном пункте чего-то там на схеме напишет, так это уже и впрямь будет «маршрут номер три»? Это бульвар Степана Разина.

Гаврила покачал пустым стаканом, ткнул почему-то пальцем в Никиту и спросил:

– Добьем?

– Ты как? – серьезно спросил Никиту Михаил, подбрасывая на ладони пробку.

– Да мне все равно, – сказал Никита.

– Ну тогда...

Второй круг стакан совершил в тишине.

– Вот и все, – задумчиво сказал Михаил. – Ничего другого людям пока не светит.

Он размахнулся и хотел уже зашвырнуть бутылку в кусты, но Никита успел поймать его за рукав.

– Дай поглядеть, – сказал он.

Михаил отдал ему бутылку, и Никита заметил на его кисти тщательно выполненную татуировку, кажется, всадника, вонзающего копьё во что-то под ногами коня, но Михаил сразу спрятал руку в карман, а просить разрешения поглядеть на татуировку было неудобно. Никита уставился на бутылку. Этикетка была такой же, как и на «Особой московской» внутреннего разлива, только надпись была сделана латинскими буквами и с белого поля глядела похожая на глаз эмблема «Союзплодоимпорта» – стилизованный земной шарик с крупными буквами «СПИ».

– Пора, – вдруг сказал Михаил, поглядев на часы.

– Пора, – эхом повторил за ним Гаврила.

– Пора, – зачем-то произнес вслед за ними Никита.

– Надень повязку, – сказал Михаил, – а то капитан развожнется.

Никита полез в карман, вынул мятую повязку и продел в нее руку; тесемки были уже связаны. Слово «Дружинник» было перевернуто, но Никита не стал возиться: все равно, подумал он, ненадолго.

Встав с лавки, он почувствовал, что прилично закосел, и даже испугался на секунду, что это заметят в опорном пункте, но тут же вспомнил, в каком состоянии к концу дежурства был в прошлый раз сам капитан, и успокоился.

Втроем молча дошли до светофора и повернули на боковую улицу, к опорному пункту, до которого было минут десять ходьбы.

То ли дело было в водке, то ли в чем-то другом, но Никита давно не ощущал такой легкости во всем теле – казалось, он не идет, а несется ввысь, в небо, качаясь на воздушных струях.

Михаил и Гаврила шли по бокам, с пьяной строгостью оглядывая улицу. Навстречу время от времени попадались компании. Сначала какие-то легкомысленные девочки, одна из которых подмигнула Никите, потом пара явных уголовников, потом несколько человек, прямо на улице поедавших торт «Птичье молоко», и другие, уже совсем непонятные люди.

«Хорошо, – подумал Никита, – что втроем. А то бы на части разорвали – вон какие хари...»

Думалось с трудом. В голове, как неоновые трубки, весело вспыхивали и гасли слова детской песни о том, что лучше

всего на свете шагать вместе по просторам и хором напевать. Смысла слов Никита не понимал, но это его не беспокоило.

В опорном пункте оказалось, что все уже разошлись. Дежурный сказал, что можно было возвращаться еще час назад. Пока Никита на ощупь искал свою сумку в темной комнате, где обычно проводили инструктаж и делили людей по маршрутам, Михаил и Гаврила ушли – им надо было успеть на электричку.

Сдав повязку, Никита тоже сделал вид, что спешит: ему совершенно не хотелось идти к метро вместе с капитаном и говорить о Ельцине. Выйдя на улицу, он почувствовал, что от хорошего настроения ничего не осталось. Подняв ворот, он направился к метро, обдумывая завтрашний день. Заказ с двумя батонами колбасы, звонок в Уренгой, литр водки на праздники (надо было спросить у случайных спутников по дежурству, где они брали «Особую», но теперь уже поздно), забрать Аннушку из садика, потому что жена идет к гинекологу – дура, даже тут у нее что-то не ладится, – в общем, взять у Германа Парменыча отгул на полдня за сегодняшний выход.

Вокруг уже был вагон метро, и беременная баба в упор сверлила глазами из-под низко опущенного платка его лысину; он все глядел в газету, пока сволочи не похлопали по плечу, тогда пришлось встать и уступить, но был уже перегон перед его станцией. Он подошел к дверям и поглядел на свое усталое морщинистое лицо в стекле, за которым неслись пе-

реплетенные электрические змеи. Вдруг лицо исчезло, и на его месте появилась черная пустота с далекими огнями: туннель кончился, и поезд взлетел на мост над замерзшей рекой. Стала видна слава советскому человеку на крыше высокого дома, освещенная скрещенными голубыми лучами.

Через минуту поезд опять нырнул в туннель, и в стекле возникли жестикулирующие алкаши, девушка со спицами, довязывающая что-то синее под схемой метрополитена, школьник с бледным лицом, мечтающий над фотографиями из учебника истории, полковник в папаше, непобедимо сжимающий чемодан с номерным замком, и еще были видны выведенные чьим-то пальцем с той стороны стекла печатные буквы «ДА». Потом впереди появилась длинная и пустая улица, занесенная снегом. Что-то кололо ногу. Он достал из кармана неизвестно как там оказавшуюся булавку с зеленой горошиной на конце, кинул ее в сугроб и поднял глаза. Небо в просвете между домами было высоким и чистым, и он очень удивился, различив среди мелкой звездной икры совок Большой Медведицы – почему-то он был уверен, что тот виден только летом.

## Вести из Непала

Когда дверь, к которой Любочку прижала невидимая сила, все же раскрылась, оказалось, что троллейбус уже тронулся и теперь надо прыгать прямо в лужу. Любочка прыгнула, и так неудачно, что забрызгала холодной слякотью полу шубы, а уж на сапоги лучше было просто не смотреть. Выбравшись на узкий тротуар, она оказалась между двумя встречными потоками огромных грузовых машин, ревущих и брызжущих смесью грязи с песком и снегом. Светофора здесь не было, потому что не было перехода, и приходилось ждать, когда в сплошной стене высоких кузовов – железных (ободранных, с грубо приваренными для жесткости ребрами) и деревянных (ничего и не скажешь про них, но страшно, страшно) – появится просвет. Грузовики, без конца шедшие мимо, производили такое гнетущее впечатление, что было даже неясно – чья же тупая и жестокая воля организует перемещение этих заляпанных мазутом страшилищ сквозь серый ноябрьский туман, накрывший весь город. Не очень верилось, что этим занимаются люди.

Наконец в сплошной стене кузовов стали появляться просветы. Любочка прижала пакет к груди и деликатно сошла на дорогу, стараясь наступать на черные пятна асфальта среди студенистой грязи. Напротив желтел длинный забор троллейбусного парка с широкими черными воротами – их обыч-

но запирали к восьми тридцати, но сейчас одна створка была открыта и еще можно было прошмыгнуть.

– Куда идешь-то! – крикнула Любочке задорная баба в оранжевой безрукавке, с ломом в руках стоявшая за воротами. – Не знаешь – опоздавшим вход через проходную! Директор велел.

– Я быстренько, – пробормотала Любочка и попыталась пройти мимо.

– Не пущу тебя, – с улыбкой сказала баба и переместилась в самый центр прохода, – не пущу. Приходи вовремя.

Любочка подняла глаза: баба стояла, прижимая упертый в асфальт лом к боку и сцепив пухлые кисти на животе; большие пальцы ее рук вращались друг вокруг друга, будто она наматывала на них невидимую нить. Улыбалась она так, как советского человека научили в шестидесятые годы – с намеком на то, что все обойдется, – но проход заслоняла все-таки. Справа от нее была будка с фанерным щитом наглядной агитации, где на фоне Евразии обнимались трое – некто под опущенным на лицо черным забралом и со странным оружием в руках, человек с холодным, недобрим взглядом, одетый в белый халат и шапочку, и Бог знает как попавшая в эту компанию девушка в полосатом азиатском наряде. Над щитом была прибита фанерная полоса с надписью:

# **ВСЯКИЙ ВХОДЯЩИЙ**

## **В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ!**

### **НЕ ЗАБУДЬ НАДЕТЬ СПЕЦОДЕЖДУ!**

Любочка повернула и пошла к проходной. Для этого надо было обогнуть угол высоченного дома с покрашенными до третьего этажа окнами – там, говорили, помещался какой-то секретный институт, – а потом идти вдоль желтого забора к серой кирпичной постройке, украшенной вывесками с волшебными словами: «УПТМ», «АСУС» и еще что-то черное на коричневом фоне.

Внутри, в ответвлении коридора, возле окошек касс в тяжких облаках дыма хохотали шоферы. Любочка через другую дверь вышла в огромный двор парка, уже пустой и похожий на покинутый аэродром. На всем пространстве между циклопическими зданиями боксов и воротами, через которые Любочка пыталась пройти три минуты назад, не было видно никого, кроме высокого мужчины в красном фартуке, с большим широкоскулым лицом. Он держал в мускулистых розовых руках щит с надписью «КРЕПИ ДЕМОКРАТИЮ!» и шагал прямо на Любочку, а неопределенное цветное меси-

во за его спиной, если приглядеться, оказывалось неисчислимой армией тружеников, среди которых было даже несколько негров. Этот плакат, висевший на одном из боксов, создали в малярном цехе еще весной, и Любочка давно привыкла, что он встречает ее каждое утро. Плакат был устроен умно: текст призыва можно было менять, подвешивая на двух крюках новую фанерку, и сначала там были слова: «КРЕПИ ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ», потом, в период некоторой политической неясности, – «БЕРЕГИ РАБОЧУЮ ЧЕСТЬ», а сейчас, к празднику, повесили новый призыв, которого Любочка еще не видела.

Она дошла до дверей административного корпуса и поднялась на второй этаж, в техотдел, где уже третий год работала инженером по рационализации.

В коридоре, между Доской почета и стендом с фотографиями побывавших в вытрезвителе сотрудников, висело зеркало, и Любочка остановилась поглядеть на себя.

Она была маленькая, в черной синтетической шубке и спортивной шапочке, на которой были вышиты два красных зубца в синей окантовке. Лицо у нее было чуть обезьянье, испуганное от рождения, и когда она улыбалась, было видно, что она делает это с усилием и как бы выполняя то единственное служебное действие, на которое способна.

Расстегнув шубку (под ней была белая кофточка с широкой черной полосой на груди) и прижавшись к зеркалу, чтобы пропустить двух работяг в ватниках, горячо обсуждав-

ших на ходу какое-то дело (и так махавших при этом руками, что не дай Бог кому-нибудь было оказаться на пути огромных растрескавшихся кулаков), она увидела почти вплотную свое припудренное лицо с ясно заметными морщинками у глаз. Двадцать восемь лет – это все-таки двадцать восемь лет, и уже не так легко быть порхающей по коридорам девочкой, подобием живого фикуса, на котором отдыхают утомленные крупногабаритными железными предметами мужские взгляды.

Она еще раз улыбнулась в зеркало и потянула на себя дверь с табличкой «Техотдел». Ее стол стоял в углу, у истыканной доски кульмана, и сейчас за ним, глядя прямо ей в глаза, сидел директор парка Шушпанов, похожий на сильно растолстевшего Раймонда Паулса. В руке у него был маленький пестрый флажок, вынутый из старинной китайской вазы, где у Любочки стояли ручки и карандаши. Флажок остался с того дня, когда весь техотдел сняли с работы, чтобы встречать какого-то экзотического президента – тогда всем выдали такие и велели махать при появлении машин. Любочка сохранила его на память из-за какого-то особенно оптимистического глянца. Когда она вошла, Шушпанов так крутанул между пальцев ее амулет, что вместо двух треугольников над его рукой возникло размытое красноватое облако.

– Здравствуйте, Любовь Григорьевна! – сказал он в отвратительно галантной манере. – Задерживаетесь?

Любочка в ответ пролепетала что-то про метро, про трол-

лейбус, но Шушпанов ее перебил:

– Ну я же не говорю – опаздываете. Я говорю – задерживаетесь. Понимаю – дела. Парикмахерская там, галантерея...

Вел он себя так, словно и правда говорил что-то приятное, но больше всего ее напугало то, что к ней обращаются на «вы», по имени-отчеству. Это делало все происходящее крайне двусмысленным, потому что если опаздывала Любочка – это было одно, а если инженер по рационализации Любовь Григорьевна Сухоручко – уже совсем другое.

– Как у вас дела? – спросил Шушпанов.

– Ничего.

– Я про работу говорю. Сколько рацпредложений?

– Нисколько, – ответила Любочка, а потом наморщилась и сказала: – Хотя нет. Приходил Колемасов из жестяного цеха – он там придумал какое-то усовершенствование. К таким большим ножницам – жечь резать. Я еще не оформила.

– Понятно. А в прошлом месяце?

– Было два. Уже выплатили.

– Ага.

Директор положил флажок, соединил возле груди растопыренные пальцы и закатил глаза, шевеля губами и делая вид, что что-то подсчитывает.

– Двадцать рублей. Ну а мы вам сколько платим? – И сам себе ответил: – Сто семьдесят. Итого – сто пятьдесят рублей разницы. Понимаете мою мысль?

Любочка понимала. И не только эту мысль, но и многое

другое, чего директор, наверное, вовсе не имел в виду. Ей показалось, что на ней, как лучи прожекторов, скрещиваются взгляды директора, начальника техотдела Шувалова, выглядывающего из маленькой смежной комнаты, превращенной им в кабинет, и всех остальных. И чтобы не стоять неподвижно в самом фокусе садистического интереса трудового коллектива, она повернулась, повесила пакет на вешалку и стала медленно снимать шубу.

– Таким, значит, образом, – сказал директор, – сегодня обойдете все цеха и сообщите мне завтра утром о ваших успехах. Советую, чтобы они были.

Он встал из-за стола, миновал замершую у вешалки Любочку, размашисто и медленно перекрестился на цветную фотографию троллейбуса «ЗиУ-9» в углу и вышел из комнаты.

Ни на кого не глядя, Любочка села на теплый от директорского зада стул (минут десять, наверное, ждал) и полезла в нижний ящик стола. Все в комнате молчали, поглядывая на спрятавшую лицо за тумбой Любочку и стараясь ни в коем случае не показать испытываемого удовольствия, – наоборот, лица сослуживцев изображали неопределенное сострадание пополам с гражданской ответственностью.

– Вот ведь как интересно! – сказал вдруг Марк Иванович Меннингер, решив, видимо, нарушить тягостную тишину.

– Что интересно? – спросил Толик Пурыгин, отрываясь от чертежа.

– Мы утром дроссель перетаскивали, чтоб не пылился, – и такая мне мысль в голову пришла...

Марк Иванович замолчал, и Толик, догадавшись, что тот ждет вопроса, задал его:

– Какая мысль, Марк Иванович?

– А такая. Ток ведь не может по воздуху течь, верно?

– Верно.

– А если провод под током разорвать, что будет?

– Искра. Или дуга. Это от индуктивности зависит.

– Вот. Значит, все-таки течет по воздуху.

– Ну и что? – терпеливо спросил Толик.

– А то, что для тока сначала ничего не меняется. Он так и думает, что течет по проводу – ведь в воздухе нет... нет...

– Носителей заряда, – подсказал Толик.

– Да. Именно так. Поэтому когда провод уже порван...

– Во-первых, – сказал Шувалов, выходя из своей комнатки, – ток не думает. Его стихия иная. А во-вторых, при протекании разряда через газ происходит ионизация и появляются заряженные частицы. Я это точно знаю.

Он включил приделанный к стене приемник, отрегулировал громкость и вернулся в свой кабинет. В комнату вошло несколько невидимых балалаечников; они играли в такой манере, что если перед этим у кого-то из сидящих в техотделе и были сомнения насчет существования глубоких и истинно народных произведений для оркестра балалаек, то они сразу же исчезли.

Между тем у Любочки появилась уверенность, что она контролирует мускулы своего лица. Несколько раз улыбнувшись за тумбой стола, она подняла голову, огляделась, придвинула к себе папку для заявок и принялась изучать предложенное новшество.

«...Заключается в том, что штанга металлорежущих ножей комплектуется набором сменных грузов, что позволяет в результате несложной операции регулировать величину удельного момента, прикладываемого...»

Она на секунду зажмурилась, как делала всегда, когда бывало непонятно, и решила, что надо идти в жестяной цех выяснить все на месте. По-прежнему ни на кого не глядя, она встала, открыла дверцу шкафа, вынула новенький ватник с торчащей из кармана сложенной бумажкой и вышла в коридор.

На улице стало еще гаже – полетели крупные снежные хлопья. Упав на асфальт, они пропитывались водой, но не таяли окончательно, отчего двор, над которым разносилось исступленное бляение балалаек, покрылся слоем полупрозрачной холодной жижи. Остановясь под навесом, Любочка накинула на плечи ватник (чтобы сохранить дистанцию между собой и рабочими, она никогда не продевала руки в рукава), сделала деловое лицо и двинулась по направлению к парящему над двором широколицему мужчине в красном.

Метрах в двадцати от бокса стояли двое – Любочка сначала решила, что они из столовой, а когда подошла поближе,

так и замерла: то, что она приняла за белые халаты, оказалось длинными ночными рубашками, и это была единственная одежда незнакомцев. Один из них был толстым и низеньким, уже в годах, а другой – стриженным наголо молодым человеком. Держась за руки, они внимательно разглядывали плакат.

– Обрати внимание, – говорил низенький, причем над его ртом поднимался пар, – на сложность концепции. Как это загадочно уже само по себе – плакат, изображающий человека, несущего плакат! Если развить эту идею до полагающегося ей конца и поместить на щит в руках мужчины в красном комбинезоне плакат, на котором будет изображен он сам, несущий такой же плакат, – что мы получим?

Молодой человек покосился на Любочку и ничего не сказал.

– Ничего, при ней можно, – сказал низенький и подмигнул Любочке, отчего она вдруг ощутила неожиданную неуверенную надежду.

– Мы получим модель вселенной, понятное дело, – ответил молодой человек.

– Ну, это ты загнул, – сказал низенький и опять подмигнул Любочке: – По-моему, это будет что-то вроде коридора между двумя зеркалами, в который ты опять залез без всякой необходимости. Ты вообще в курсе, где ты сейчас находишься?

Молодой человек вздрогнул и внимательно огляделся по

сторонам.

– Вспомнил? Ну то-то. Так что ж ты сюда забрел?

– Я насчет смерти хотел выяснить, – виновато сказал молодой человек.

Его собеседник нахмурился.

– Сколько раз тебе говорить – никогда не надо забегать вперед. Но раз уж ты сюда попал, давай внесем некоторую ясность. Представь себе, что каждому из бесконечной вереницы плакатов соответствует свой мир – вроде этого. И в каждом из них есть такой же двор, такие же... стойла для мамонтов... Девушка, как они называются?

– Это боксы, – ответила Любочка. – А вам не холодно?

– Да нет. Ему все это снится. Ну да, боксы, и перед каждым из них кто-то стоит. Тогда место, где мы сейчас стоим, будет просто одним из таких миров, и окажется...

– Окажется... окажется... Господи!

Молодой человек вскрикнул, выдернул руку и побежал к боксу. Его собеседник выругался и кинулся за ним, на ходу оборачиваясь и виновато всплескивая руками. Оба исчезли за углом.

– Дураки какие-то, – пробормотала Любочка и двинулась дальше. Подходя к прорезанной в огромной двери бокса калитке, она уже думала о другом.

В жестяном цехе – небольшом помещении с высоким, в два этажа, потолком – было тихо и сумрачно. В центре возвышался обитый жостью стол, заваленный разноцветными

металлическими обрезками, а у стены, на сдвинутых углом лавках, сидело трое человек. Они молча играли в домино – сдержанными и экономными движениями клали на стол кости, иногда коротко комментируя очередной ход. Кроме коробки от домино на чистом углу стола стояли пачка грузинского чая, несколько упаковок рафинада и три сделанные из черепов чаши с прилипшими к желтоватым стенкам чайинками. Любочка подошла к играющим и бодрым голосом сказала:

– А я к вам! Здравствуйте, товарищ Колемасов!

– Привет, – рассеянно отозвался морщинистый дядька, сидевший с края, – как жизнь молодая?

– Ничего, спасибо, – сказала Любочка. – Я к вам по делу.

По рацпредложению.

– Никак деньги принесла? – спросил Колемасов и пихнул локтем соседа в бок. Сосед улыбнулся.

– Уж сразу деньги, – сказала Любочка. – Надо оформить сначала.

– Ну так давай оформляй. Сейчас... Покажем...

Колемасов положил на стол фишку, чем, видимо, закончил партию – партнеры зашевелились, завздыхали и побросали оставшиеся кости. Колемасов встал и пошел к верстаку, кивком пригласив за собой Любочку.

– Гляди, – сказал он. – К примеру, надо разрезать дюралевый лист.

Он вытащил из кучи обрезков блестящий серебристый

треугольник и вставил его в раскрытую пасть ножниц.

– Попробуй.

Любочка положила журнал на стол, взялась за приваренную к ручке ножниц метровую трубу и потянула ее вниз. Но дюраль, видно, был слишком толстый – чуточку переместившись вниз, ручка замерла.

– Дальше не идет, – сказала Любочка.

– Во. А теперь делаем вот что.

Колемасов поднял с пола шестнадцатикилограммовую гирю, поднес ее к ножницам, побагровев, поднял ее на уровень груди и повесил на трубу.

– Давай жми.

Любочка всем своим весом надавила на трубу – та продвинулась еще немного и остановилась.

– Да сильней же надо, – сказал Колемасов и нажал на ручку сам – она медленно пошла вниз, и вдруг дюралевая пластина с треском разлетелась на две части, ручка дернулась, гиря соскочила и с тяжелым звуком врезалась в кафельный пол чуть левее Любочкиного сапога.

– Вот такое усовершенствование, – сказал Колемасов.

Двое партнеров по домино с интересом следили за происходящим.

– Понятно, – сказала Любочка. – А тут сказано, что сменные грузы.

– Пока их нет, – ответил Колемасов. – Но смысл простой: нужно несколько гирь. Берешь и вешаешь – или по одной,

или по нескольку.

Любочка задумалась, пытаясь изобрести умный вопрос.

– Скажите, – наконец заговорила она, – а какой ожидается экономический эффект?

– Ой, не знаю. Не думал еще.

– Это надо обязательно. Или расчет экономического эффекта, или акт о его отсутствии. Еще нужен акт об использовании...

– Ну вот и составляй, – ответил Колемасов. – Ты ж по этим делам главная.

Он повернулся и пошел к корешам, один из которых уже начинал смешивать кости домино.

– А кто вам заявку писал? – спросила Любочка.

– Серега Каряев. Это мы с ним вместе придумали. Ты вот что – сходи в слесарный, он там как раз сейчас возится. Поговори.

Колемасов сел за стол и потянул к себе кости.

Через минуту Любочка уже стояла у входа в слесарный, высматривая Каряева. Наконец она заметила в углу его крохотную, перепачканную маслом мордочку в больших роговых очках. Каряев держал плоскогубцами длинное зубило, упертое в дно ржавого железного котла, а другой человек изо всех сил лупил по зубилу кувалдой. Любочка попробовала помахать им журналом, но они были слишком заняты и ничего не заметили. Тогда она пошла к ним сама.

– Очень просто, – сказал Каряев, выслушав Любочку. –

Экономический эффект достигается за счет убыстрения слесарных работ. Надо подсчитать.

– А как?

– Будто сама не знаешь. Надо засечь, насколько быстрее проходит операция при использовании сменных грузов, и помножить на количество троллейбусных парков. Еще надо ввести коэффициент, учитывающий количество ножниц в каждом парке. И вычесть стоимость гирь. Это я примерную схему даю, ясно?

Каряев страдальчески морщился при каждом ударе кувалды, словно били не по зубилу, а по его голове, а Любочку грохот так оглушал, что ей стало казаться, будто Каряев говорит что-то очень умное. Вдруг каряевский напарник промахнулся и въехал кувалдой по котлу, отчего Любочке на секунду почудилось, что она стоит внутри огромного колокола. Каряев выпрямился и почесал ухо.

– Слышь, – сказал он, – я тебе завтра еще одну рацуху напишу. Видишь зубило? Вот я к нему приварю поперечину, чтоб держаться. А ты оформишь. Экономический эффект считать так же, только вычитать стоимость сварочных работ.

– А как ее узнать? – спросила Любочка.

– Как, как... В справочнике посмотри. Или позвони в институт сварки.

Каряев вдруг дернул Любочку за руку – они оба пригнулись, и над их головами с шелестом пронеслось что-то темное, размером с большую собаку.

Любочка выпрямилась, косясь на бьющуюся под потолком перепончатокрылую тварь, а Каряев поднял вылетевшее из плоскогубцев зубило, опять зажал его и приставил к котлу.

– Давай, Федор.

Федор прокашлялся и взмахнул кувалдой. Любочка поглядела на часы и охнула – десять минут как шел обед. Она помчалась в столовую.

Конечно, она опоздала – очередь в столовую уже изгибалась от кассы до самого входа. Любочка встала в ее хвост и приготовилась ждать. Сперва она некоторое время изучала роспись на стене, изображавшую висящий над пшеничным полем гигантский каравай, похожий на НЛО, затем заметила торчащий из кармана собственного ватника сложенный листок, вынула его и развернула.

«МНОГОЛИКИЙ КАТМАНДУ», – прочла она. Под заглавием мелким шрифтом было впечатано слово «памятка». Любочка прислонилась к стене и стала читать.

«Город Катманду, столица небольшого государства Непал, расположен на живописных холмах в предгорьях Гималаев; если смотреть на линию холмов снизу, из долины, то они напоминают хребет прилегшего отдохнуть дракона. Поэтому предки нынешних жителей Непала прозвали это место Драконовыми Холмами.

Городу около трех тысяч лет. Упоминания о Катманду как о крупнейшем культурном и религиозном центре встречаются

ся во многих древних хрониках; город был известен даже в ханьском Китае, где назывался Каньто и считался столицей мифического южного царства.

Во II–III веках нашей эры в Катманду проник буддизм, который вскоре образовал причудливый симбиоз с местными патриархальными культами. Тогда же в Катманду проникло и христианство, не получившее сколько-нибудь широкого распространения в городских верхах и оставшееся уделом небольших общин, занимающихся скотоводством на обширных низменностях к югу от города. Местные христиане – римские католики, но в последнее время церковь Катманду активно добивается статуса автокефальной».

Сзади послышалось тихое пение – Любочка обернулась и увидела трех сотрудников плано-экономической группы, вставших в несколько отдалившийся от нее конец очереди. На них были длинные мешки с дырами для головы и рук, перетянутые на талии серым шпагатом, а в руках горели толстые парафиновые свечи. На мешках были оттиснуты какие-то цифры, черные зонтики и надписи «КРЮЧЬЯМИ НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ». Любочка стала читать дальше.

«В конце прошлого века сюда переселилась русская секта духоборов, основавшая несколько деревень невдалеке от города; в их быту тщательно сохраняются все черты жизни русской деревни XIX века – например, на стенах изб можно увидеть вырезанные из «Нивы» портреты императора Александра III с семьей.

Смешение в рамках одного города-государства нескольких культурных и религиозных традиций превратило Катманду в уникальный архитектурный памятник: буддийские пагоды соседствуют здесь с шиваистскими храмами, христианскими церквями и синагогами. По процентному отношению культовых построек к жилым Катманду занимает, безусловно, одно из первых мест в мире. Однако это не означает, что местные жители чрезмерно религиозны, – наоборот, им скорее свойственно эпикурейское отношение к жизни. Почти на каждую календарную дату в Катманду выпадает какой-нибудь праздник. Некоторые из этих праздников напоминают европейские – в них принимают участие члены правительства или хотя бы представители администрации; тогда на улицах поддерживается порядок и проводятся торжественные мероприятия, как, например, парад национальной гвардии, проезжающей на слонах в День независимости по главной магистрали столицы. Другие праздники – такие, как День Заглядывания за Край, связанный с традицией ритуального употребления психотропных растений, – на время превращают Катманду в подобие осажденного города: по улицам разъезжают правительственные броневики, мегафоны которых призывают разойтись собравшихся на площадях молчаливых и перепуганных людей.

Наиболее распространенным в Катманду культом является секта «Стремящихся Убедиться». На улицах города часто можно видеть ее последователей – они ходят в глухих

синих рясах и носят с собой корзинку для милостыни. Цель их духовной практики – путем усиленных размышлений и подвижничества осознать человеческую жизнь такой, какова она на самом деле. Некоторым из подвижников это удастся; такие называются «убедившимися». Их легко узнать по постоянно издаваемому ими дикому крику. «Убедившегося» адепта немедленно доставляют на специальном автомобиле в особый монастырь-изолятор, называющийся «Гнездо Убедившихся». Там они и проводят остаток дней, прекращая кричать только на время приема пищи. При приближении смерти «убедившиеся» начинают кричать особенно громко и пронзительно, и тогда молодые адепты под руки выводят их на скотный двор умирать. Некоторым из присутствующих на этой церемонии тут же удается убедиться самим – и их водворяют в обитые пробкой помещения, где пройдет их дальнейшая жизнь. Таким присваивается титул «Убедившихся в Гнезде», дающий право на ношение зеленых бус. Рассказывают, что в ответ на замечание одного из гостей монастыря-изолятора о том, как это ужасно – умирать среди луж грязи и хрюкающих свиней, один из «убедившихся», перестав на минуту вопить, сказал: «Те, кто полагает, что легче умирать в кругу родных и близких, лежа на удобной постели, не имеют никакого понятия о том, что такое смерть».

Катманду – не только культурный центр с многовековыми традициями, но и крупный промышленный город; недавно с участием советских специалистов здесь построен совре-

менный электроламповый завод, продукция которого пользуется большим спросом на мировом рынке. Песчаные пляжи Катманду издавна привлекают туристов со всех уголков земного шара, и существующая здесь индустрия развлечений не уступает лучшим мировым образцам. Есть тут и молодая коммунистическая партия, борющаяся за более справедливые условия жизни трудящихся этой небольшой живописной страны».

Любочка поставила на свой поднос помидорный салат, рагу из свинины и бокал легкого итальянского вина. Подумав, она поставила рагу на место, взяла вместо него скумбрию с капустой, расплатилась и двинулась к угловому столику, откуда ей делали приглашающие жесты девочки из бухгалтерии.

– Чего, памятку читала? – спросила Настя Быкова, девушка с толстым слоем пудры на некрасивом лице.

– Да, – ответила Любочка, садясь рядом, – прочла.

– Тепло там, наверно, – мечтательно сказала Настя. – Круглый год тепло. Мужиков много. И фрукты всякие. А мы тут живем, живем – ничего не видим вокруг. А помираем – тоже небось в дурах оказываемся. Верно, Оль?

Оля, задумавшись, глядела в суп.

– Оль, ты чего? О чем думаешь?

Оля подняла глаза, слабо улыбнулась и произнесла:

– Возьми ладонь с моей груди. Мы провода под током. Друг к другу нас, того гляди, вдруг бросит ненароком...

– Это у нее хахаль электромонтажником работает, – вздохнув, пояснила Настя. – Ну ладно, чего болтать. Давайте есть, что ли.

Любочка доела быстрее всех, поставила поднос с тарелками на черную ленту транспортера, кивнула подругам и пошла в техотдел.

«Дура я, – думала она, поднимаясь по лестнице, – надо было выходить за Ваську Балалыкина и двигать с ним в армию. Сидела бы сейчас где-нибудь в гарнизонной библиотеке, выдавала бы книги...»

В коридоре она налетела на директора Шушпанова, который как раз выходил из парткома. Она даже не успела как следует испугаться – Шушпанов развернулся, взял ее под руку и повел по коридору навстречу плакату с тремя гигантскими брезгливо-гневными лицами, глядящими из-под строительных касок на корчащегося перед ними поганенького человечка с торчащей из кармана бутылкой.

– Ты сейчас чем занимаешься?

– Я? В цеху была. Два рацпредложения буду оформлять. Только насчет экономического...

– Все бросай, – заговорщически прошептал Шушпанов, – и дуй в библиотеку. Надо срочно стенгазету сделать. Там уже двое сидят – поможешь. Лады?

– Я рисовать не умею.

– Ничего, там раскрашивать нужно. Давай, девка, пулей! – Последние слова Шушпанов произнес так, словно их некото-

рая грубость испукалась небывалым счастьем, которое свалилось на Любочку в результате его предложения. Она растянула рот в улыбке и ответила:

– Лечу! Только журнал положу.

– Пулей! – на ходу повторил Шушпанов и бодро нырнул в дверь туалета, оставив Любочку наедине с гневом и брезгливостью висящего в тупике плаката.

Любочка пошла назад – Шушпанов протащил ее за собой лишних метров десять, – вошла в техотдел, положила журнал на обычное место и сменила ватник на синий халат, висевший в том же шкафу. Сослуживцы толпились у окна, наблюдая за двумя небесными всадниками, иногда выныривавшими из низких туч. Марк Иванович обернулся и сказал:

– Любочка! Позвони Василию Балалыкину.

– Я уже знаю, – сказала Любочка. – Спасибо.

Номер оказался занят, и через пять минут она была в библиотеке, где парковый художник Костя и библиотекарь Елена Павловна склонялись над двумя сдвинутыми столами, накрытыми склеенным из нескольких листов ватмана полотном стенгазеты – уже был готов карандашный рисунок, и оставалось только закрасить его гуашью. Костя выдал Любочке обломок маленькой кисти и велел как следует отмыть его в пятилитровой банке мутной воды, стоявшей на полу.

– Смотри только не вырони, – испуганно сказал он, – утонет.

Ей стало обидно от такого недоверия. Она тщательно от-

мыла кисть. Для раскрашивания ей достался огромный изгибающийся колос – будь он настоящим, им можно было бы накормить роту милиции. Любочка стала аккуратно наносить на него слой желтой краски и уже начала ощущать радость от того, как у нее славно получается, когда Костя вдруг потрепал ее по плечу.

– Ну что ты делаешь, а? – спросил он. – Ведь надо объем передавать. Показываю.

Он обмакнул кисть в белила и стал исправлять Любочкину работу. Никакого объема все равно не получалось, зато стало казаться, что колос отлит из бронзы.

– Понятно?

– Понятно. – Она потерла пальцами виски и неожиданно для самой себя спросила: – Слушай, а ты не помнишь, в какой это сказке железный хлеб едят?

– Железный хлеб? – удивился Костя. – Черт знает.

За окнами уже было темно и горели холодные фиолетовые фонари. Когда в комнату стали входить люди, оставалось раскрасить улыбающуюся Луну и воина воздушных сил в похожем на аквариум гермошлеме.

Собрался почти весь административный штат; почему-то пришла баба в оранжевой безрукавке, утром не пускавшая Любочку в парк. Шушпанов подошел к столу, глянул на газету, похвалил и сказал, что сейчас будет короткое собрание, а потом можно будет продолжить.

Все расселись. Шушпанов, Шувалов и баба в безрукав-

ке заняли места в маленьком президиуме, молодежь по привычке уселась подальше, возле книжных стеллажей, и собрание началось.

Шушпанов встал, потер ладони и уже собирался что-то сказать, когда открылась дверь и появился перепачканный маслом Каряев. В руках у него было зубило с приваренной к нему длинной поперечиной.

– Надо включить радио, – сказал он.

Шушпанов поглядел на него с хмурым недоумением, а потом его лицо прояснилось.

– Верно, надо включить радио.

Выйдя из-за стола, он подошел к стене и повернул черный кружок на боку маленького приемника с олимпийской эмблемой.

– ...собственного корреспондента в Непале.

У звука появился фон. Долетели гудки машин, шум ветра, чей-то далекий смех.

– Стоя здесь, – заговорил вдруг громкий ухающий голос, – на широких дорогах современного Непала, не перестаешь удивляться, как многообразен природный мир этой удивительной страны. Еще несколько часов назад светило солнце, вокруг вздымались высокие пальмы и палисандровые деревья, дивно пели голубые кукушки и красные попугаи. Казалось, этому не будет конца – но у мира свои законы, и вот мы поднялись выше, в редкий воздух предгорий. Как тихо стало вокруг! Как скорбно и сосредоточенно смотрит на зем-

лю небо! Недаром внизу, в долине, о жителях вершин говорят, что они едят железный хлеб. Да, здешние горы суровы. Но интересно вот что: когда поднимаешься из долины к безлюдным заснеженным пикам, пересекаешь много природных зон и в какой-то момент замечаешь, что прямо у обочины шоссе начинается березовая роща, дальше растут рябины и липы, и кажется, что вот-вот в просвете между деревьями покажутся скромные домики обычного русского села, пара коров, пасущихся за околицей, и, конечно же, маковка маленькой бревенчатой церкви. Нет-нет, а и вспомнишь о далеком колокольном звоне, узорчатых накупольных крестах и толпе старушек в притворе, отбивающих поклоны и спешащих поставить трогательную тонкую свечку Богу... Одно воспоминание приходит на смену другому, и скоро замечаешь, что думаешь уже не о природном мире Непала, а о том, что православная догматика называет воздушными мытарствами. Напомню дорогим радиослушателям, что в традиционном понимании это – сорокадневное путешествие душ по слоям, населенным различными демонами, разрывающими пораженное грехом сознание на части. Современная наука установила, что сущностью греха является забвение Бога, а сущностью воздушных мытарств является бесконечное движение по суживающейся спирали к точке подлинной смерти. Умереть не так просто, как это кажется кое-кому... Вот вы, например. Вы ведь думаете, что после смерти все кончается, верно?

– Верно... – откликнулось несколько голосов в зале. Любочка сначала услышала их, а потом уже поняла, что и сама ответила со всеми.

– И ток не течет по воздуху. Верно?

– Верно...

– Нет. Неверно. (Давно уже в голосе появились издевательские ноты.) Но я не собираюсь портить вам праздник Октября этим пустым спором хотя бы из-за того, что у вас есть отличная возможность проверить это самим. Ведь сейчас, друзья, как раз завершается первый день ваших воздушных мытарств. По славной традиции он проводится на земле.

В зале кто-то тихо закричал. Кто-то другой завыл. Любочка повернулась, чтобы посмотреть, кто это, и вдруг все вспомнила – и завыла сама. Чтобы не закричать в полный голос, надо было сдерживаться изо всех сил, а для этого необходимо было занять себя хоть чем-то, и она стала обеими руками оттирать след протектора с обвисшей на раздавленной груди белой кофточки. По-видимому, со всеми происходило то же самое – Шушпанов пытался заткнуть колпачком от авторучки пулевую дырку в виске, Каряев – вправить кости своего проломленного черепа, Шувалов зачесывал чуб на зубастый синий след молнии, и даже Костя, вспомнив, видимо, какие-то сведения из брошюры о спасении утопающих, делал сам себе искусственное дыхание.

Радио между тем восклицало:

– О, как трогательны попытки душ, бьющихся под ветра-

ми воздушных мытарств, уверить себя, что ничего не произошло! Они ведь и первую догадку о том, что с ними случилось, примут за идиотский рассказ по радио! О ужас советской смерти! В такие странные игры играют, погибая, люди! Не знаящие ничего, кроме жизни, они принимают за жизнь смерть. Пусть же оркестр балалаек под управлением Иеговы Эргашева разбудит вас завтра. И пусть ваше завтра будет таким же, как сегодня, до мгновения, когда над тем, что кто-то из вас принимает за свой колхоз, кто-то – за подводную лодку, кто-то – за троллейбусный парк, и так дальше, – когда надо всем тем, во что ваши души наряжают смерть, разольется задумчивая мелодия народного напева Саратовской губернии «Уж вы, ветры». А сейчас предлагаю вам послушать вологодскую песню «Не одна-то ли во поле дороженька», вслед за чем немедленно начнется второй день воздушных мытарств – ведь ночи здесь нет. Точнее, нет дня, но раз нет дня, нет и ночи...

Последние слова потонули в нарастающем гуле неземных балалаек – их звук был так невыносим, что в зале, уже не стесняясь, стали кричать во все горло.

Вдруг у Любочки возникла спасительная мысль. Что-то подсказало ей, что, если она сможет встать и выбежать в коридор, все пройдет. Наверное, похожие мысли пришли в голову и остальным – Шушпанов, качаясь, кинулся к окну, баба в оранжевой безрукавке полезла под стол, сообразительный Каряев уже тянул руку к черной кнопке радио, намере-

ваясь выключить его и посмотреть, что это даст, – а Любочка, с трудом переставляя ноги, заковыляла к двери. Неожиданно погас свет, и пока она на ощупь искала ручку, на нее сзади навалилось несколько человек, охваченных, видимо, той же надеждой. А когда дверь, к которой Любочку прижала невидимая сила, все же раскрылась, оказалось, что троллейбус уже тронулся и теперь надо прыгать прямо в лужу.

# Девятый сон Веры Павловны

*Здесь мы можем видеть, что солипсизм совпадает с чистым реализмом, если он строго продуман.*

*Людвиг Витгенштейн*

Перестройка ворвалась в сортир на Тверском бульваре одновременно с нескольких направлений. Клиенты стали дольше засиживаться в кабинках, оттягивая момент расставания с осмелевшими газетными обрывками; на каменных лицах толпящихся в маленьком кафельном холле голубым весенним светом заиграло предчувствие долгожданной свободы, еще далекой, но уже несомненной; громче стали те части матерных монологов, где, помимо Господа Бога, упоминались руководители партии и правительства; чаще стали перебои с водой и светом.

Никто из вовлеченных во все это толком не понимал, почему он участвует в происходящем, – никто, кроме уборщицы мужского туалета Веры, существа неопределенного возраста и совершенно бесполого, как и все ее коллеги. Для Веры начавшиеся перемены тоже были некоторой неожиданностью – но только в смысле точной даты их начала и конкретной формы проявления, а не в смысле их источника, потому что этим источником была она сама.

Началось все с того, что как-то однажды днем Вера пер-

вый раз в жизни подумала не о смысле существования, как она обычно делала раньше, а о его тайне. Результатом было то, что она уронила тряпку в ведро с темной мыльной водой и издала что-то вроде тихого «ах». Мысль была неожиданная и непереносимая и, главное, ни с чем из окружающего не связанная – просто пришла вдруг в голову, в которую ее никто не звал; а выводом из этой мысли было то, что все долгие годы духовной работы, потраченные на поиски смысла, оказывались потерянными зря, потому что дело было, оказывается, в тайне. Но Вера как-то все же успокоилась и стала мыть дальше. Когда прошло десять минут и значительная часть кафельного пола была уже обработана, появилось новое соображение – о том, что другим людям, занятым духовной работой, эта мысль тоже вполне могла приходить в голову и даже наверняка приходила, особенно если они были старше и опытнее. Вера стала думать, кто это может быть из ее окружения, и сразу безошибочно поняла, что не надо ходить слишком далеко и надо поговорить с Маняшей, уборщицей соседнего туалета, такого же, но женского.

Маняша была намного старше. Это была худая старушка тоже неопределенных, но преклонных лет; при взгляде на нее Вере отчего-то – может быть, из-за того, что та сплетала волосы в седую косичку на затылке, – вспоминалось словосочетание «Петербург Достоевского». Маняша была Вериней старшей подругой; они часто обменивались ксерокопиями Блаватской и Рамачараки, настоящая фамилия кото-

рого, как говорила Маняша, была Зильберштейн; ходили в «Иллюзион» на Фасбиндера и Бергмана, но почти не говорили на серьезные темы; Маняшино руководство духовной жизнью Веры было очень ненавязчивое и не прямое, отчего у Веры никогда не появлялось ощущения, что это руководство существует.

Стоило Вере только вспомнить о Маняше, как раскрылась маленькая служебная дверь, соединявшая оба туалета (с улицы в них вели разные входы), и Маняша появилась. Вера тут же принялась путано рассказывать о своей проблеме; Маняша, не перебивая, слушала.

– ...И получается, – говорила Вера, – что поиск смысла жизни – сам по себе единственный смысл жизни. Или нет, не так – получается, что знание тайны жизни, в отличие от понимания ее смысла, позволяет управлять бытием, то есть действительно прекращать старую жизнь и начинать новую, а не только говорить об этом, – и у каждой новой жизни будет свой особенный смысл. Если овладеть тайной, то уж никакой проблемы со смыслом не останется.

– Вот это не совсем верно, – перебила внимательно слушавшая Маняша. – Точнее, это совершенно верно во всем, кроме того, что ты не учитываешь природы человеческой души. Неужели ты действительно считаешь, что, зная ты эту тайну, ты решила бы все проблемы?

– Конечно, – ответила Вера. – Я уверена. Только как ее узнать?

Маняша на секунду задумалась, а потом словно на что-то решилась и сказала:

– Здесь есть одно правило. Если кому-то известна эта тайна и ты о ней спрашиваешь, тебе обязаны ее открыть.

– Почему же ее тогда никто не знает?

– Ну почему? Кое-кто знает, а остальным, видно, не приходит в голову спросить. Вот ты, например, кого-нибудь когда-нибудь спрашивала?

– Считай, что я тебя спрашиваю, – быстро проговорила Вера.

– Тогда коснись рукой пола, – сказала Маняша, – чтобы вся ответственность за то, что произойдет, легла на тебя.

– Неужели нельзя без этих сцен из Мейринка? – недовольно пробормотала Вера, наклоняясь к полу и касаясь ладонью холодного кафельного квадрата. – Ну?

Маняша пальцем подозвала Веру к себе и, взяв ее за голову и наклонив так, что Верино ухо приходилось точно напротив ее рта, прошептала что-то не очень длинное.

И в эту же секунду за стенами раздался гул.

– Как, и все? – разгибаясь, спросила Вера.

Маняша кивнула головой.

Вера недоверчиво засмеялась.

Маняша развела руками, как бы говоря, что не она это придумала и не она виновата. Вера притихла.

– А знаешь, – сказала она, – я ведь что-то похожее всегда подозревала.

Маняша засмеялась:

– Так все говорят.

– Ну что же, – сказала Вера, – для начала я попробую что-нибудь простое. Например, чтоб здесь на стенах появились картины и заиграла музыка.

– Я думаю, у тебя получится, – ответила Маняша, – но учти, что произойти в результате твоих усилий может что-то неожиданное, совсем вроде бы не связанное с тем, что ты хотела сделать. Связь выявится только потом.

– А что может произойти?

– А вот посмотришь сама.

\* \* \*

Посмотреть удалось не скоро, только через несколько месяцев, в те отвратительные ноябрьские дни, когда под ногами чавкает не то снег, не то вода, а в воздухе висит не то пар, не то туман, сквозь который просвечивают синева милицейских шапок и багровые кровоподтеки транспарантов.

Произошло это так: в уборную спустились несколько праздничных пролетариев с большим количеством идеологического оружия – огромными картонными гвоздиками на длинных зеленых шестах и заклинаниями на специальных листах фанеры. Справив нужду, они поставили двухцветные копыя к стене, заслонили писсуары своими промокшими транспарантами – на верхнем была непонятная надпись

«Девятый трубоволоочильный» – и устроились на небольшой пикник в узком пространстве перед зеркалами и умывальниками. Сильней, чем мочой и хлоркой, запахло портвейном; зазвучали громкие голоса. Сначала доносился смех и разговоры, потом вдруг стало тихо и строгий мужской голос спросил:

– Что ж ты, сука, на пол льешь специально?

– Да не специально я, – затараторил неубедительный те-  
нор, – тут бутылка нестандартная, горлышко короче. А я те-  
бя заслушался. Проверь сам, Григорий! У меня рука всегда  
автоматически...

Тут раздался звук удара во что-то мягкое и одобрительная матерная разноголосица, но после этого пикник как-то быстро сошел на нет, и голоса, гулко взыв напоследок с ведущей на бульвар лестницы, исчезли. Тогда только Вера решилась выглянуть из-за угла.

В центре кафельного холла сидел на полу мужичонка с расквашенной мордой и через равные интервалы времени плевал кровью на залитый портвейном кафель. Увидев Веру, он отчего-то перепугался, вскочил на ноги и убежал на улицу, под открытое небо. После него в холле остались мокрая надломленная гвоздика и маленький транспарантик с кривой надписью: «Парадигма перестройки безальтернативна!» Вера совершенно не поняла, какой в этих словах заключен смысл, но долгий опыт жизни ясно говорил: началось что-то новое, и даже не верилось, что это новое вызвано ею. На

всякий случай она подхватила гигантский цветок и транспарант и отнесла их в свою каморку, представлявшую собой две крайние кабинки – перегородка между ними была убрана, и места было как раз достаточно, чтобы разместились ведра, швабры и стул, на котором можно было иногда передохнуть.

После этого все еще долго тянулось по-старому (да и что нового может быть в туалете?). Жизнь текла размеренно и предсказуемо, только количество пустых бутылок, которое приносил день, стало падать, а народ стал злее.

Но вот однажды в туалете появилась компания зашедших явно не по нужде. Они были в одинаковых джинсовых костюмах и темных очках, а с собой у них был складной метр и такая специальная штучка на треножном штативе – Вера не знала, как она называется, – в которую какие-то люди на улицах часто глядят на особым образом разграфленную палку, которую держат другие люди. Гости обмерили входную дверь, озабоченно оглядели все помещение и ушли, так и не воспользовавшись своим оптическим приспособлением. Еще через несколько дней они появились в сопровождении человека в коричневом плаще и с коричневым портфелем – Вера знала его, это был начальник всех городских туалетов. Вели себя прибывшие непонятно – они ничего не обсуждали и не измеряли, как в прошлый раз, а просто прохаживались взад и вперед, задевая плечами спины переливающихся в

писсуары (как зыбок мир!) трудящихся, и время от времени замирали, мечтательно заглядываясь на что-то, Вере и посетителям невидимое, но, очевидно, прекрасное: об этом можно было догадаться по улыбкам на их лицах и по тем удивительным романтическим положениям, в которых застывали их тела, – Вера не смогла бы выразить своих чувств словами, но поняла она все безошибочно, и на несколько мгновений перед ее глазами встала когда-то висевшая у них в детдоме репродукция картины «Товарищи Киров, Ворошилов и Сталин на строительстве Беломорско-Балтийского канала».

А еще через два дня Вера узнала, что теперь работает в кооперативе.

\* \* \*

Обязанности остались, в общем, прежние, но невероятно изменилось все вокруг. Как-то постепенно и быстро, без остановки производственных мощностей, был сделан ремонт. Сначала бледный советский кафель на стенах заменили на крупную плитку с изображением зеленых цветов. Потом переделали кабинки – их стены обшили пластиком под орех; вместо строгих унитазов победившего социализма поставили какие-то розово-фиолетовые пиршественные чаши, а у входа установили турникеты, как в метро, – только вход стоил не пять, а десять копеек.

В завершение этих изменений Вере подняли зарплату на

целых сто рублей в месяц и выдали новую рабочую одежду: красную шапку с козырьком и черный полухалат-полупешинель с петлицами – словом, все как в метро, только на петлицах и кокарде сверкала не буква «М», а две скрещенные струи, выбитые в тонкой меди. Две соединенные кабинки, где раньше можно было хотя бы поспать, теперь превратились в склад туалетной бумаги, куда уже было не втиснуться. Теперь Вера сидела возле турникетов в специальной будке, похожей на трон марсианских коммунистов из фильма «Аэлита», улыбалась, разменивала деньги; в ее жестах появилась счастливая плавность, совсем как у виденной однажды в детстве и запомнившейся на всю жизнь продавщицы из Елисеевского – та, белокурая и женственно полная, резала семгу на фоне настенной фрески, изображавшей залитую солнцем долину, где прямо в полуметре от реальности висела прохладная виноградная кисть, – и было утро, и нежно пело радио, и Вера была девушкой в красном ситцевом платье.

В турникетах весело звенели деньги – за каждый день набегало полтора-два больших холщовых мешка. «Кажется, – смутно думала Вера, – Фрейд где-то сопоставил экскременты и золото. Все-таки умный мужик был, чего говорить... за что только его так люди ненавидят... вот тот же Набоков...» И она погружалась в привычные неторопливые мысли, часто состоявшие из одного только начала и так и не доползавшие до собственного конца, потому что им на смену приходили

другие.

\* \* \*

Жить постепенно становилось все лучше: у входа появились зеленые бархатные портьеры, которые посетитель должен был, входя, раздвинуть плечом, а на стене у входа – купленная в обанкротившейся пельменной картина, в какой-то странной перспективе изображавшая тройку: трех белых лошадей, впряженных в заваленные сеном сани, где, не обращая никакого внимания на бегущих следом сосредоточенных волков, сидели трое – два гармониста в расстегнутых полушубках и баба без гармонии (отчего гармонь казалась признаком пола). Единственным, что смущало Веру, был какой-то далекий грохот или гул, иногда доносившийся из-за стен, – она никак не могла взять в толк, что может так странно гудеть под землей, но потом решила, что это метро, и успокоилась.

В кабинках зашуршала настоящая туалетная бумага – не то что раньше. На умывальниках появились куски мыла, рядом – настенные электрические ящики для сушения рук. Словом, когда один постоянный клиент сказал Вере, что приходит сюда, как в театр, она не удивилась сравнению и даже не особенно была польщена.

Новым начальником был румяный парень в джинсовой куртке и темных очках – он появлялся на месте редко и, как

понимала Вера, курировал еще два-три туалета. Вере он казался очень загадочным и могущественным человеком, но однажды выяснилось, что заправляет всем вовсе не он.

Обычно румяный молодой человек, входя с улицы, раскидывал половинки зеленой бархатной портьеры коротким и властным движением ладони; затем появлялось его лицо с двумя черными стеклянными эллипсами вместо глаз, а потом раздавался тонкий голос. В тот раз все было наоборот: сначала Вера услышала его высокий заискивающий тенор, раздавшийся на лестнице, в ответ там же что-то снисходительное рывкнул бас, и портьера разошлась, но вместо ладони и черных очков появилась даже не согнутая, а какая-то сложившаяся джинсовая спина – это пятился и что-то на ходу объяснял Верин начальник, а вслед за ним шествовал пожилой толстый гном с большой рыжей бородой, в красной кепке и красной заграничной майке, на которой Вера прочла:

**What I really need**

**is less shit**

**from you people**

Гном был крошечный, но держался так, что казался выше

всех. Быстро оглядев помещение, он открыл портфель, вынул связку печатей и приложил одну из них к листу бумаги, торопливо подставленному начальником Веры. После этого он дал какую-то короткую инструкцию, ткнул молодого человека в черных очках пальцем в живот, захохотал и исчез – Вера даже не заметила как: стоял напротив зеркала – и нету, словно нырнул в какой-то только для гномов открытый подземный ход.

После развоплощения карлика с печатями Верин начальник успокоился, вырос в длину и сказал несколько ни к кому не обращенных фраз, из которых Вера поняла, что гном – на самом деле очень большой человек и заправляет всеми московскими туалетами.

– Ну и начальники теперь у нас, – бормотала себе под нос Вера, звякая монетами на стоящем перед ней блюде и выдавая одноразовые полотенца. – Прямо ужас.

Она любила делать вид, что воспринимает все происходящее так, как должна была бы воспринять его некая абстрактная Вера, работающая уборщицей в туалете, и старалась не думать о том, что сама разбудила эти подземные силы, и разбудила для смеха, для того, чтобы на стене повисла картина. Что касалось музыки, то она полагала, что ее желание уже воплотилось в двух нарисованных гармониях.

Вообще, насколько скучной и однообразной была раньше Верина жизнь, настолько теперь она стала значительной и

интересной. Теперь Вера довольно часто видела разных удивительных людей – ученых, космонавтов и артистов, а однажды туалет посетил отец братского народа маршал Пот Мир Суп – ехал в Кремль, да не стерпел по дороге. С ним была уйма народу, и, пока он сидел в кабинке, возле Вериной будки на длинных флейтах играли какую-то протяжную и печальную мелодию три волнующихся накрашенных пионера – так трогательно и хорошо, что Вера украдкой всплакнула.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.